

ЕЛЕНА ПЕРИХ
Дарджилинг, 6 марта 1924

ПИСЬМА ЕЛЕНА РЕРИХ К СЫНУ СВЯТОСЛАВУ (1924-1925)

1

1 декабря 1924

Родной, любимый мой мальчоночек,

Мускус тебе будет, но не забывай здешний темп. Торопим, елико возможно, не пропустим. Доктор сказал, что Гупта поедет в Калимпонг, ибо в декабре там главный привоз этого вещества. Через Ладен Ла доставать очень дорого, ибо и книги Юрию он привез по высокой цене — знает все американские цены. Но сказано: *«Муск будет — Люмоу может спокойно работать, ибо Стою за ним»*. Не забудь, друзья в Чикаго. Жду не дождусь узнать все подробности твоей жизни и намечающиеся работы. Удача обеспечена, только сам не оттолкни ее. Чистое устремление к работе укажет верное направление, детали и нужные люди выявятся и подойдут. Если бы я могла вдохнуть в тебя не веру, но знание мое, что все будет прекрасно! Лучше, нежели мы ожидаем. Вспомни, родной мой, что это знание никогда не обманывало меня — детали иногда ускользали, но знание результатов всегда было безошибочно.

Юрик мне верит и идет в жизнь мужественно, а ему через несколько лет предстоит задача далеко не легкая. Он стал смешной — боится за меня страшно. Не хочет пускать в Мадрас, отговаривает всячески и каждый день заводит одну и ту же шарманку. Начинаю подозревать, что мы не так уж любим одиночество, как это утверждаем. Сейчас он в восторге от привезенных книг — среди них имеется несколько им невыписанных и которые являются настоящими жемчужинами. Привезший их Ладен Ла рассказывает о чуде, недавно имевшем место в Тибете, произведшем потрясающее впечатление на религиозные массы Тибета, следствием которого он был свидетелем. Привожу его со слов нашего ламы — звучит сказкою.

Одна богатая вдова тибетка, имевшая трех сыновей — двух взрослых и одного мальчика лет 12-ти, умирая, при свидетелях завещала старшим сыновьям охранять маленького брата, дать ему лучшее образование и оберечь его часть в наследстве. Но очень скоро братья забыли заветы матери, и старший брат с женою стали жестоко преследовать малыша, решив завладеть его долей в наследстве. Долго терпел малыш, не находя защиты в людях, наконец, не выдержав истязаний голодом, решил обратиться за помощью к Самому Владыке. Проник в храм, где стояло огромное изображение Будды, и в слезах молил Владыку помочь ему, ибо у него нет никого, кто заступился бы за него. Долго бедняжка молился и, наконец, в полном изнеможении, обливаясь слезами, он громко воскликнул: «Владыко, спаси, спаси меня!!». На крик прибежали старший и младший хранители храма и, увидя малыша, простертого на полу у ног изображения Владыки, стали трясти его и выговаривать, как смел он проникнуть в храм в час, когда никто не

смеет входить и двери заперты на запор. Малыш от слабости ничего не мог сказать. И вдруг они услышали голос, идущий как бы сверху: «Остановитесь! Остановитесь!». Взглянув вверх, они увидели с изумлением и ужасом, что из глаз Владыки по лицу катились крупные слезы. Конечно, сейчас же было донесено об этом чуде в Лхасу, и Далай-лама приказал немедленно созвать лам и привести братьев на суд. Малыш был восстановлен во всех правах и отдан в лучший монастырь на воспитание, братья же получили строжайший приказ немедленно восполнить все убытки. Старший брат, возвращаясь после позорного суда в свое поместье, ехал впереди слуг — встречные люди обратили внимание слуг на то, что их господин едет, обливаясь кровью. На оклик слуг господин ничего не ответил, когда же они подъехали к нему, то увидели, что из ушей, носа и рта текла кровь и сам он уже заглох — был мертв. Так был совершен суд Владыки. Ладен Ла присутствовал при суде, видел всех участников происшествия.

Сейчас приехали еще новые тибетские книги, среди них есть и астрологические — Юрик сияет, у него уже до 80. Также удачно будет и у тебя, лишь имей терпение. Прочти это чудо всем друзьям. Люби наш круг, подойди к ним ближе, они так ласково пишут о тебе. У нас сейчас очень прохладно, ходят снежные облака, предсказывают холодную зиму. Как бы Яруя не замерз у нас, хотя мы ему писали о необходимости запастись теплыми вещами. Сейчас пишу с трудом, пальцы коченеют, сравнительно мало топим, ибо не хотим себя баловать, предстоят еще более холодные дни. Папины рупии, данные Боше Сену, принесли ему счастье, в день моего приезда к ним он получил письмо от одного американца со вложением чека на 5000 долл. Он счастлив безмерно, начнет теперь свои исследования — называет папу «Siva» (Шива) и все восторгается тобою.

Родной мой птенчик, не волнуйся, иди твердо, все будет хорошо, и верь также своей маме — *«Дух Ур. подобен сигнальной башне»*. Ведь как давно Владыка следил за вами, вся ваша жизнь прошла под Его Лучом.

Много сновидений вижу, и все они прекрасны. Каждому хижина заготовлена. Птенчик мой любимый, чувствуешь ли, как мама любит и думает о тебе, — иди хорошей, указанной дорогой, прислушивайся к сердцу своему и не поддавайся лести, которая будет окружать тебя. Христос с тобою, родной мой, — работай.

Мама

P.S. Буто на балю не распустился, упал — но есть еще несколько других. Семена Чундзе обещал достать.

Передай всем друзьям нашим мою любовь — им пишу отдельно.

2

11 декабря 1924

Родной мой любимый мальчик,

Сейчас 11 часов утра, а ты проводишь последний вечер с Пасиком, но не будешь тосковать, ибо много работы впереди, и ты окружен любовью и заботой. Если б ты мог читать слова, которые пишутся о тебе, пожалуй, возгордился бы! Дух мой спокоен, зная, как ты оберегаем, помнишь, что сказано — *«Если нужно, Мой Луч переночует»*.

Птенчик мой родной, вся любовь моя с тобою, постоянно думаем о твоих делах. Вчера Юрик опять ездил к доктору, шевелить его, но увы, он индус! Говорит, что трудно достать по условленной цене, Гупта называет цены почти вдвое. Будто бы послал тебе письмо с подробным изложением. Если через него

ничего не выйдет, не лучше ли опять действовать через ламу? Семена балу и салу будут, Чундзе получил письмо, что выслан целый мешок. Наши балу держатся — бутоны имеются. Сейчас здесь полное затишье и вещей никаких — смешно сказать, нельзя даже достать серебряных чашек, какие мы послали в Америку. Хотелось иметь для Юрия, и после долгих поисков нашли две медные, очень простые. Совершенно не видать приличных танок, все другие — производство Harry Valley и очень скверное. В Мадрасе обойду «curious shop» (антикварные лавки) — авось что-либо найду.

Покидаю Дарджилинг 9 января, в Мадрасе буду 12-го вечером. Ожидаю Пасика, если пароход не запоздает, 13-го утром. Сколько рассказов и радости впереди!!

Юрик, мой хвостик, все еще не может примириться с моим отъездом. Каждый день твердит: «Ты меня обидела». Работает много, здорово стал объясняться по-тибетски. Теперь у нас полный состав тибетцев, даже Айя — тибетка, ибо индуска распол[нела] и не может ехать со мною в Мадрас. Ты очень одобрил бы мою новую няньку. Чистая, ходит в черном бархате на белой кофте, в белом в зеленых квадратах платке. Лицо красивое, умное и строгое, хорошая коса вокруг головы наподобие диадемы. Хорошо говорит по-английски, имеет великолепные аттестаты. Такую можно было бы привезти даже в Нью-Йорк.

Невероятно трудно писать — все хорошие перья вышли, остались лишь какие-то иголки, а не перья!

Вчера получили сообщение: «*Более чем доволен течением дел в Америке. Люмоу продолжает радовать*». Представляешь себе, сокровище мое, как меня это радует — ведь я знаю твое золотое сердечко. Пиши, не ленись, каждая твоя мысль дорога. Всячески будем стараться достать тебе нужное вещество и из других местностей. Сказано: «*Но муск будет*». Всегда все приходит в последний нужный момент.

Сердцем и думами с тобою, радость моя, работай и чуй любовь, которая окружает тебя! Много радости впереди.

Юрий тоже пишет тебе, птенчик мой любимый.

P.S. Собрала семена смешного дерева, послала тебе немного в письме, получил ли его?

3

18 декабря 1924

Родной мой мальчик,

Что-то ты заленился, из Нью-Йорка имеем только одно коротенькое письмо. А Юрик все хлопочет достать тебе мускус — пробуем достать из другого источника, ибо доктор, видимо, мало пригоден. Несмотря на наши убеждения явить подвижность и проехаться в Калимпонг, куда, по слухам, доставлено изрядное количество этого вещества, он отделяется обещаниями и заламывает двойную цену. Вчера приехал отец Чундзе и предложил нам продать мускус, вывезенный из Тибета от правительственных источников(???). Мы дали ему цену 22 рупии за толу, но просили доставить образцы, через два дня обещал привезти. Если будет хороший, купим и дадим тебе телеграмму.

Погода у нас чудесная, но холодная, горы часто открыты, особенно красива Тибетская гряда. В комнатах зябнем, стараемся все просушить и отопить к приезду Пасика и Яруи из тропических стран. Получили еще фотографии с пояснениями.

1) Ур. идет по лесу в храм, отпирает малую дверь и входит в притвор. 2) Ур. и Фуяма обсуждают особое изображение Владык. 3) Ур. и Удряя идут по лестнице. Ур. указывает на желательность изменения в постройке. 4) Люмоу недоволен — путь на лошадях, Авирах убеждает в удобстве передвижения. 5) На улице худой мужичок недоумевает: «Ну скажи на милость, кому охота на такие высоты лазить, а лезут!». Надо привыкать к А-мышлению.

На днях было новое нашествие на Хиллсайд — пришел караван тибетцев во главе с Ладен Ла, тибетским главнокомандующим с женами, детьми, [слу]гами, родственниками и местными торговцами!! Юрий вышел, я же осталась у себя. Юрий провел их вокруг, но дальше веранды они постеснялись пройти, и Юрий, конечно, не настаивал. Были очень поражены увидеть, что все слуги у нас тибетцы, которые их подобострастно приветствовали. Вся эта компания жила в Хиллсайте при Далай-ламе и пришла навестить свое старое пепелище.

Ждем очень ваших известий, как твое устройство, планы, какое впечатление от семьи Хилле? Пиши, Хрюсик, не ленись. Приходится отказаться от поездки в Мадрас. Спуск с 7000 футов в почти тропическую жару тяжело скажется на организме. Следую совету М.М. и остаюсь ждать Пасика в Хиллсайте. Юрий ликует, что посылки духа его возымели действие — дурачок!

Достали через Боше Сена образцы пряностей и выслали по адресу Яруи. Получили две статьи от француженки для помещения в американской прессе. Мы выслали ей аванс в 60 рупий, но статьи положили в стол до приезда Пасика, ибо считаем их не только ничтожными, но даже вредными. Понимаем теперь отношение к ней нашего ламы — он хорошо разбирается в людях.

Ну, мой птенчик, пиши, мы думаем о тебе и делах твоих, при малейшей подвижке будем телеграфировать. Обнимаю, целую. Помни, что 9-го декабря было сказано — «Люмоу продолжает радовать».

P.S. Мои росточки цветут, одна дала два бутона.

4

29 декабря 1924

Родной мой Светусик,

Вчера у нас была радость: доктор известил, что ему предлагают хороший мускус за 25. Зная, как трудно достать это вещество в Дарджилинге, мы, конечно, согласились. Ждем теперь приезда торговца и немедленно телеграфируем тебе о результатах. Я знаю, что так или иначе, но мускус будет, ибо вчера опять повторено — «Вещество будет». Не без интереса тебе будет узнать, что на днях я слышала: «Авена — *djara* — феолин». Я попросила разъяснение, которое было дано — «Авена — трава для Люмоу». На мой вопрос, могу ли я достать ее? — «Сам найдет. *Djara* — старость (*sanscrit*). Феолин — препарат против старости», — который ты должен найти и найдешь. В конце беседы о дяде Степе у меня вырвалось замечание — как бы мне хотелось порадовать его на старости! Получила ответ: «Феолин — да». Мы очень смеялись, но, конечно, такое средство благодетельствует все человечество. Поищи-ка эту траву. Наш лама имеет от своего учителя монгола средство против сифилиса; говорит, что оно совершенно излечивает после очень короткого применения. Он применил его в пяти случаях с блестящим результатом. Но держит это средство в глубокой тайне, как доверенную святыню, не имеет права выдать. Происхождение его монголо-китайское. Пыталась обиняками разузнать какие-либо намеки, говорит — «some minerals»,

но даже в этом я не убеждена. Но он сам знает, как его готовить. Конечно, со временем многое узнается.

Растения балу все еще в бутонах, если расцветут без нас, попрошу ламу, которому я их оставлю, собрать семена и переслать тебе в Америку. Чундзе все обещает достать. Думаю, что ты успешно можешь воспользоваться сушеными, которые у тебя имеются. Помнишь, было сказано, что — *«Хороши также сушеные на солнце»*.

В пятницу приедет к нам самый святой тибетский лама, миссия которого всюду вводит культ «Будды Майтрейи». Он разъезжает с художниками-монахами и скульпторами и во всех монастырях воздвигает статуи и изображения Майтрейи. Попросим его благословить наши танки. Изображение «Будды победителя» вышло замечательно красиво. Наш художник совершенствуется, становится живописцем. Надеюсь, что так же красиво будет изображение «Будды целителя». Юсик свободно говорит по-тибетски, читает и переводит редкие книги, доставленные ему Ладен Ла с разрешения Далай-ламы. В них много интересного, и жизнь Тзонг-ка-па лишена легендарности — вполне исторично изложена. Я увлекаюсь изучением буддизма, серьезно занялась разбором всех skanda и nidana — и очень успешно, ибо имею одобрение М.М.

Крепко обнимаем нашего любимого Хрюсика. Видим, приложил свое изображение на всех посланиях. Береги себя, мой птенчик, и помни, что все приходит во времени, и потому не волнуйся. Пиши, мы все время думаем о тебе.

Юрик трогательно волнуется добыть тебе нужное вещество. Никогда не думала, что он такой привязчивый. Вспоминает все твои выходки, перечитывает письма и умиляется. Приводит меня в изумление. Также и в отношении Пасика.

Завтра принесут семена балу. Салу не достать — много снега.

Ошибка — семена в количестве 2,5 фунта прибывают в будущее воскресенье.

Привет всем — пишу.

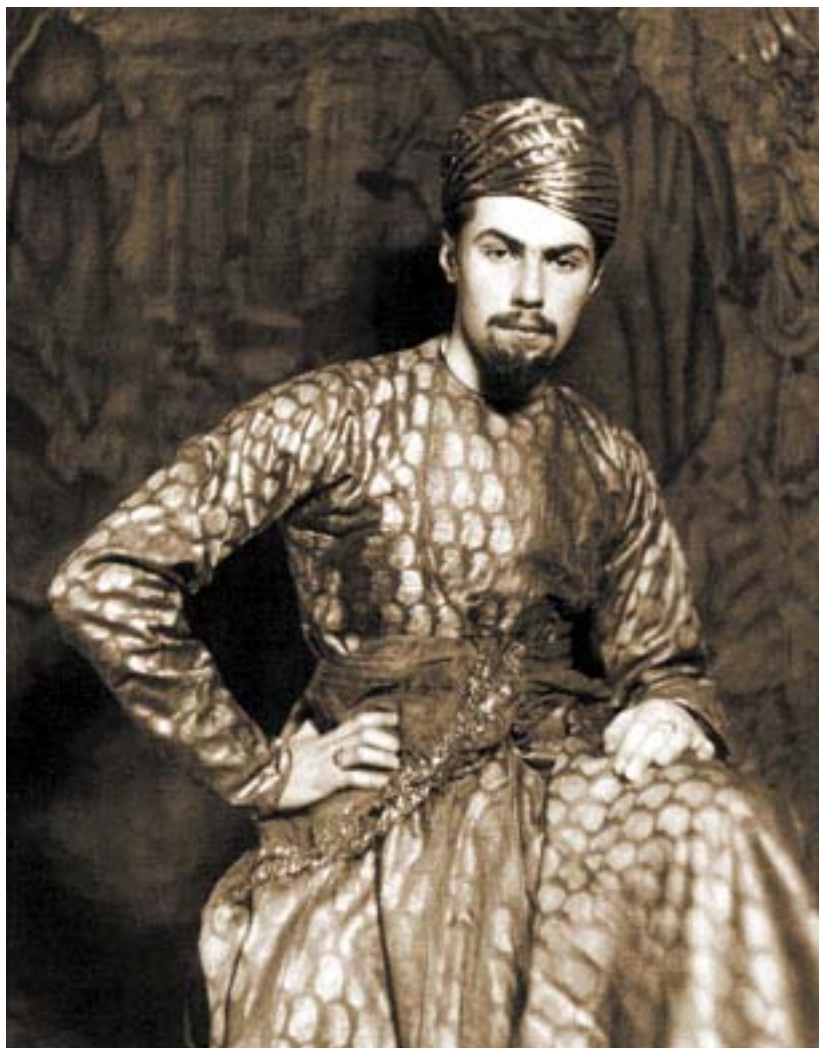
5

5 января 1925

Родной мой, любимый, любимый мальчик,

Спешу передать тебе радостное сообщение от 2-го января: *«Считаю, выставке Люмоу будет большой успех. Все к лучшему. Повторяю — дырка не велика»*. Может быть, совсем неплохо запастись некоторыми знаниями по твоей новой специальности в Колумбийском университете. Доктор все еще в отъезде, как только вернется, телеграфируем. Семена, несмотря на обещание, все еще не приехали, хотя я уже имею горсточку семян балу. Думаю, что в твоём мешке ты найдешь их изрядное количество. Помни, что они любят холод. В Тибете, когда их сажают, кладут сверху лед, который тает и тем орошает их. Если нужны еще какие безделушки, купим с папой и Яруей. Сейчас здесь положительно ничего нет. Танок и не слышно, а из бухарских шалей одна — желтая с белыми квадратиками, имеет пятно, должно быть, потому дороже проданн[ая] тебе. Думаю, что в Кашмире скорее найдем что-либо интересное, здесь все подобралось, а из Тибета подвоз окончился.

Вчера у нас был «Big day» (Великий день) — посещение Хиллсайда ламоу Геше Римпоче, одним из наиболее чтимых лам Тибета. Прибыл в сопровождении трех учеников и настоятеля монастыря Гум. Конечно, и наш лама Мингюр присутствовал — как всегда. Наша челядь за неделю готовилась к этому торжеству,

СВЯТОСЛАВ РЕРИХ. 1920-е
Архив Музея Н. Рериха. Нью-Йорк

понашили себе и раздобыли тибетские одеяния. Я была даже потрясена видом нашего старшего слуги в шелку видом Кун-Кушó. Наготовили всяких тибетских блюд — очень вкусных. Всю дорогу от самого низа, где остановился мотор, усыпали мукою, перед домом изобразили, тем же способом, свастику и вышли встречать в сопровождении пришедшей толпы почитателей, с пучками зажженных курений. Ламу Римпоче подымали в разукрашенной рикше. Вся встречная процессия простиралась ниц при его приближении. Лама Мингюр, Юрий и я ожидали его у входа в дом. Произошла церемония благословения и обмена хатыками, затем мы поднялись наверх, причем мне пришлось просить нашего ламу осадить местных бабú, из бывших кули, которые собирались проникнуть наверх. Их заперли в столовой и предоставили угощаться тибетским чаем и другим угощением. Теперь все это, пришедшее в шелках, вешает всех собак на ламу М[ингюра] за его якобы грубое обращение с ними.

Комната наверху прибрана была по обычаю. Алтарь по-прежнему красив, ибо увешан танками, очень терпкими и дающими парадность. На самом алтаре желтые цветы и лампы. С правой стороны алтаря сидения для лам, покрытые коврами, и леопардовая шкура для Римпоче. С левой сидели мы. Около каждого сидения столики с угощением. Обменялись приветственными речами, и началась церемония чаепития с непрерывным доливанием; беседа велась через ламу Мингюра. Римпоче на своем пути встречал много американцев, и некоторые леди выдавали себя за буддийских монахинь. Интересовался, сколько монастырей и храмов буддийских в Америке. На что мы должны были сказать, что не слышали о таковых, хотя некоторые американцы и называют себя буддистами. Думаю, что он встречался с теософами. Конечно, сказал мне, что я уже была буддисткой и много способствовала распространению этой религии, так же как и Пасик, портрет которого я ему показала. Передал мне фигуру Будды — была бы недурная, но они, желая сделать лик покрасивее, заново позолотили голову и покрасили глаза — впечатление приставленной головы. Это знак большого доверия, по словам нашего ламы. Затем была служба освящения танок, красиво читали. Мы все время наблюдали, и должна признаться, что жесты красивы, нет лишних движений, замечается какая-то своя культура. Сам лама Римпоче имеет некрасивое, но умное, скорее хитрое лицо. Я предпочитаю настоятеля Ташидинга. Держит себя с большим достоинством и невозмутимо принимает земные поклоны своих devoties (преданных), раздавая им благословения и читая мягкие нравоучения, которые принимаются с благоговейным восторгом. Видя это, я попросила прочесть нравоучение моему фавориту Вонгту. Картина была довольно красочная, когда, вступив в круг лам перед алтарем, отчитываемый простирался перед изображением Будды и ламой Римпоче, а затем стоял, дрожал и дергался от волнения, пока Римпоче мерно и мягко отчитывал его. Мы слышали лишь его всхлипывающие «La-so, la-so». Дал обет воздержания. Сегодня не курит, но уныл, «сохнет в глотке».

Все прошло гладко, все довольны. На прощание лама Р[импоче] подарил мне три кружка золота для окончания танок. Здесь не достать, а он возит запас из Тибета и раздает тем, кто воздвигает изображения Будды Майтрейи. Говорит, что кратчайший путь к достижениям через К[расную] Шамб[алу]. Будда Майтрейя и К[расная] Ш[амбала] — «the same essence» (одно и то же). При отъезде сцена вроде проводов отца Иоанна Кронштадтского. Но я повторяю, настоятель Ташидинга мне больше по сердцу.

Теперь ждем нашего Пасика, которого называем теперь Асвагоша, ибо он имеет все права на это имя. Не мешает тебе прочесть труды Асвагоши —

имеются в Америке. Так что прозвище *Гошик* — было не без провидения. Ждали сегодня писем, но почему-то не принесли, хотя почта доставлена уже вчера в Калькутту. Пиши, мой птенчик, не ленись, так хочется знать, как твои занятия, какое настроение. Главное, не падай духом и не обижайся зря. Если бы ты знал, как, в каких выражениях весь круг пишет о тебе — хочу тебе даже переписать. Люби их, они искренно относятся к тебе. Работай, работай, работай — все будет прекрасно.

6

23 апреля 1925

Любимый мальчик мой,

Грустно сознавать, что у тебя нет потребности поделиться с нами мыслями, действиями, достижениями и, быть может, некоторыми неудачами. Неудачи! У кого их нет?! Первая неудача у сильного человека обращается на следующей ступени в верную победу. Сумей и ты духом взойти на эту ступень!

Спешу передать тебе желание М.М., чтоб ты написал, что ты приносишь в дар и что желаешь получить взамен. Напиши и перешли в запечатанном конверте нам. Сведения о твоей выставке считаем весьма и весьма благоприятными. Возможность выставить в восьми центрах художнику, *впервые* выступающему, блестяща. Не zapomню, кто так начинал!

Ты заботишься о рекламе, но лучшая реклама — качество работы. Если работа плоха, никакая реклама не устоит. Ты знаешь мое отношение ко всякой рекламе. Как я мало обращала внимания на рецензии. Если иногда и приходилось принимать меры к папиной выставке, то лишь потому, что у папы, как у всякого уже сложившегося большого художника, притом поражающего своей деятельностью, много завистников и врагов, которых, ради возглавляемых общественных учреждений, следует иногда ставить на места. Все же, если подведем итог деятельности врагов и друзей, увидим, что враги более способствовали успеху и известности, нежели друзья. Потому тебе, впервые выставляющему художнику, не следует бояться этих пособников. Чем больше кричат, тем лучше. Ничто так не способствовало успеху «Мира Искусства», как беспощадная критика всесильного «Нового Времени». Потому не трать деньги на рекламу — думай лишь о качестве работ. Враги много подвижнее друзей, сами приходят и кричат. Впрочем, лично думаю, что слишком ругать тебя не будут. Бойся поддаться влиянию пошлости, которой заражена современность. Когда пишешь новую вещь, выезжай за город, взгляни на природу и вдохни чистый воздух.

Очень прошу тебя, не окружайся секретарями и другими подобными пособниками в пристроившем чужих денег. Будь независим и меньше доверяй фантазиям ресторанных посетителей. Еще и еще повторяю, что успех ожидает тебя лишь на указанном пути, ибо путь этот предусмотрен и защищен со всех сторон. Всякое же уклонение может вызвать и соответствующую неудачу. Ты достаточно умен понять, что невозможно рассчитывать на защиту и помощь на всех и даже вредных путях. Тебе были даны все предостережения относительно лярв. И в начале пути ты, видимо, разбирался хорошо, неужели пыль городов так глубоко проникла, что ты уже неспособен противостоять натиску подобных Анави? Мне больно и стыдно сознавать, что у тебя может быть что-то общее с этим ничтожнейшим и пошлейшим типом! Бедный мой птенчик, дай голосу духа твоего оградить тебя от этих лярв. Дукельский, Данилов, Анави — коллекция недурная, могла бы еще добавить,

С.Н. Рерих. Три ламы. 1924

но остановлюсь на корифеях. Светуня, Светуня, чуй же всю боль нашу, видя, как из блестящих возможностей, ведущих тебя в горы, на широкий простор, тебя толкают сложить лишь кучу отбросов! Кому нужны дужи, которыми завалены все парфюмерии Парижа? И разве не было сказано, что парфюмеры преступно растрачивают драгоценное вещество? Разве в этих словах не заключаются два указания? Не будь слепышом! Мальчик мой, подходи ко всему новым здоровым путем. Ничего так не бойся, как пошлости и спекуляции — двух болезней нашей современности. Огради себя от них, храня данные Заветы. Помни о *честности* во всем: в чувствах, мыслях и поступках. Не будь расточителен, всякий пошляк умеет им быть. Невелико почтение, покупаемое за деньги. Будь прост всегда и во всем, этим завоеешь себе независимость и истинное уважение. Светик, я не ошибаюсь в своих чувствованиях. Много раз было мне повторено, что нет ошибок в моем чувствознании. Потому прошу тебя начать новую жизнь без секретарей и обывательской пошлости. Спокойствие и радость найдешь лишь в труде и в ясном устремлении к намеченной тебе цели. Не отдаляйся от наших друзей — они и тебе наивернейшие друзья, но сумей сохранить их уважение. Бойся начать эксплуатировать их доброту и готовность поддержать тебя. Прежде научись давать, получение лишь этим обеспечивается. Надо бросить семя и поухаживать за ним, чтобы получить плод. Разве не интересна работа по «Корона Мунди»? Разве не прекрасный сотрудник Ньюбергер? Не говоря уж о главной твоей работе — живописи, в которой сейчас ждет тебя успех, если ты серьезно займешься ею.

Теперь еще одно чрезвычайно важное указание: «*Не будь болтлив — не говори о делах на стороне*». Сказать ранее срока значит погубить дело. Не уподобляйся «Пошехонцу», рубящему ветку, на которой сидит. Каждая удача в делах — твоя удача, так же как неудача, отзовется и на твоих возможностях. Не губи себя, мы-то и босыми дойдем, но как ты почувствуешь себя без необходимых удобств? Кроме затруднений и отдаления прекрасных возможностей, разве не ужасно по легкомыслию тормозить прекрасный план? Родной мой, любимый, пойми, какое серьезное время наступило и как все должны напрячь все свои способности, всю находчивость и выдержку для завершения указанного. Яви сдержанность и положительность перед дядей Борей [Д.Н. Бородиным], так важно произвести благоприятное впечатление. Не забудь, что все богатеи любят со всех сторон следить за сотрудниками, и у дяди это поставлено превосходно. Не писала бы тебе об этом, если бы до нас не дошли некоторые неодобрения с его стороны. Если где проболтался, постарайся спутать ищеек.

Очень прошу написать нам обстоятельное письмо — лишь факты. Недолго осталось тебе переписываться с нами. Неужели тебе не хочется узнать наши мысли о твоих делах? Светуня, я не ошибаюсь, не ошибаюсь, не ошибаюсь! Ведь и опыт мой развивается. Мальчик мой, любя тебя, хотим уберечь тебя и твои блестящие возможности. Помоги нам в этом. Собери все мужество сурово и радостно идти к подвигу. Лишь в подвиге победа.

25 апреля. Еще хочу просить тебя — храни имя свое и имя отца твоего, *не упоминай и не пользуйся им* без обсуждения с нашими и твоими друзьями. *Пойми, как важно сохранить* имя это во всей его чистоте!

Родной мой Светуня, как ждали наши друзья помощи от тебя! Где она! Неужели им придется помогать тебе? Светуня, мне больно и стыдно, если сын мой будет способен лишь одолжаться, не давая взамен ничего. Сколько папа и все большие люди работали и давали, не думая о вознаграждении. Лишь мелкие лавочки считают каждый затраченный ими грош. Мальчик мой, сбрось прошлое смешное фанфаронство, жизнь слишком серьезна и прекрасна, чтобы тратить время на паясничество. Вдумайся, вдумайся, как прекрасно может сложиться деятельность твоя, но стань серьезнее, расти, мой родной. Шлю тебе всю мою любовь, ласку и грусть заблуждениям твоим. Помни, что сказано и много раз повторено — «*Благословляю Люмоу на красоту и целение*». Был также совет ехать на лето в Нью-Мексико — Техас.

Сумей стать полезным и незаменимым сотрудником. Ведь наши учреждения должны создать новый класс интеллигентных тружеников и собирателей истинного творчества. Ведь нельзя закрывать глаза — Америка почти лишена этой необходимой основы культурной эволюции. Есть мертвые музеи, есть частная коллекция, собранная господами Дювинами без участия собственников. Разве не характерен следующий эпизод — папа осматривал коллекцию от Кана, тут же были приглашены еще несколько американцев, и вот папа был свидетелем, как никто из них не выказал интереса к самой картине или ее автору, но лишь отмечали принадлежность ее тому или другому торговцу. Значение самой картины и имя творца растворились в блеске имен господ Дювинов и *tutti quanti* (всех прочих — ред.).

Надо раскрыть глаза на истинное глубокое значение искусства в жизни и создать восторженных и индивидуальных собирателей, творцов и ценителей. Человек, не нуждающийся в искусстве, подобен человеку, не ценящему солнце и живущему в подвале. Американцы скупают предметы искусства в Европе. Можно завалить все кладовые, устроить настоящие кладбища, но разве в этом культурное

отношение? Необходимо *любовное и сознательное отношение* к ним. Лишь это вдохнет в них жизнь и даст плоды. Мальчик мой, сумей вдохновлять приходящие молодые сердца — помоги Логвану и Поруме в их задаче.

7

31 мая 1925

Родной мой Светуня,

Если ты нам напишешь тотчас же по получении этого письма, мы еще успеем получить до нашего ухода в Ладак. Неужели у тебя нет вопросов, на которые ты хотел бы получить ответ? Любимый птенчик, подумай и напиши — ведь ответ можешь иметь в сентябре, а затем лишь в декабре получатся известия от нас. Прошу тебя, не отходи от круга, всем сердцем будь в нем — это не только моя просьба, но и М.М. «*Только надо ему быть у Моих дел*». Родной мой, любимый, помоги общему делу, помоги тому, кто с такой любовью и терпением ведет нас через все заграждения и пропасти!

Выступаем мы из Гульмарга 12 августа. Все лишние вещи отошлем на хранение в Америку. Кстати, получил ли ты вещи из Финляндии? Среди них, как я уже писала, находится ящик, принадлежащий Шкляверам, который по ошибке послан был вместо второго ящика книг, отошли его по адресу Яруи.

Ты ничего не пишешь, получил ли ты новые танки, посланные в конце февраля? Ни разу не писал о получении маленьких посылок, птиц, семян, колец и т.д. Не знаем, доходят ли они.

Наши все пишут о твоих необыкновенных успехах в живописи, пришли, когда будешь фотографировать, снимки с твоих работ.

Юрик тоже усиленно занят, а по утрам ездит со своим китайским дядькою, которого мы выбрали в Дарджилинге, где он буквально умирал с голода. Старик около 70 лет, бывший офицер еще монархического Китая — тихое, добродушное существо, смотрит за лошадьми и очень предан Юрию. В Дарджилинге жил тем, что продавал на базаре им сделанных бумажных двигающихся зверьков, но когда саабы уехали, дела пошли скверно и пришлось ему хуже собаки. Наш лама подобрал его и передал нам. Сейчас плетет из трав лягушек и презентует мне, также очень искусно плетет из разных тряпок и цветных веревочек сандали для похода — одну пару пришлем тебе — очень этнографичны. Уверяет, что вся китайская пехота обута подобными. Также необыкновенны некоторые из его рассказов — наряду с большим знанием людей и конфуцианской мудрости следующие отступления: «Знаете ли вы, что в Тибете есть страна, где живут одни женщины, и потому у них рождаются только девочки?» Или еще, во время сильной грозы: «А тибетцы дураки, думают, что там только один, а их два. Один птица, другой дракон». То есть, по народным понятиям тибетцев, гром производит дух огромной птицы. Китайцы же считают, что птица не может произвести подобного шума, потому добавляют дракона. По нашим здешним грозам, действительно, можно задуматься, сколько же их там?

Пришлем снимки нашего домика, думаю, что ты очень тосковал бы здесь, и я очень рвусь уехать отсюда — люди здесь тяжелы.

Прошу очень, береги Имя, это самое большое достояние. Обнимаю и по-прежнему грущу, не получая писем. Неужели мы так далеки тебе?

Пишу о китайце, ибо не знаю, что тебя интересует. Ты ничего не пишешь о своих делах и, видимо, не интересуешься и нашими.

С.Н. Рерих. Эскиз костюма. 1924
Музей Н.Рериха. Нью-Йорк

1 августа 1925

Родной мой Светуня, птенчик любимый,

Получили твое длинное письмо с заношенными страницами, сильно напоминающее те, что мы получали на Монхегане, и стало грустно. Когда же начнешь ты разбираться в людях и обстоятельствах? Откуда все эти «Healers'ы» (целители)? Сильное предупреждение против них получено от М.М. Много прикрывающихся этим Великим Именем, но лишь организация «Temple» имела поддержку Учителей при жизни основательницы*, не знаю, как теперь, ибо не спрашивала об этом. Разве ты все еще не понимаешь опасности для тебя приходиться в соприкосновение с медиумами в неизвестных кругах? Ведь они и оккультные астральные сотрудники их читают в твоей ауре и могут прочесть и узнать часть Плана, если Учитель не воспрепятствует этому, но подумай, сколько сил надо Ему уделить для этого, отрывая их от *главного*. Имеем ли мы право расточать эти Силы, не являемся ли мы тем самым невольными предателями Великого плана.

Мальчик мой, грустно, тяжело мне говорить тебе неприятные истины, но долг матери остеречь, предупредить. Остерегись «Healers'ов», не принимай их денег — ничего хорошего для тебя не получится. Помни, как все исполняется, что я говорю, ибо во мне Его голос говорит. Неужели ты думаешь, что можно рассчитывать на успех, идя против указанного тебе пути, становясь орудием противных сил? Повторяю, остерегись «Healers'ов» и всяких ясновидящих и *tutti quanti*, вспомни, как нам было воспрещено. Вспомни также видение С[офьей] М[ихайловной] — кощунственной мистерии, в которой ты фигурировал в виде High Priest'a (Высокого священника).

Радость моя, и вопросы твои остаются без ответа, ибо М.М. говорит, что сейчас «*не время*», ты не сумеешь воспользоваться этим и по доверчивости передашь в нежелательные руки.

Птенчик мой, пойми это духом и не ищи на стороне того, что так щедро давалось и дается тебе, лишь подойди с открытым сердцем и устремленным духом и возьми. Сердце мое болеет, видя, какой вред ты себе наносишь, не желая отойти от старых понятий «Social Standing» (социальное положение). Ты же видел, как мы всегда были против пошлых средств, которыми обычно пользуются для приобретения этого унижительного ярлыка ничтожности. Почему тебе, выросшему в обстановке интеллигентного труда и истинного барства, окруженному чудесами, претворенными в жизнь, нужна эта убогая, пошлая среда? Почему каждый пустяк кажется тебе значительным, раз он идет из *нового* источника. Родной мой, имей распознавание! Неужели к тебе применима пословица — нет пророка в своем отечестве! Я имела право надеяться, что мой чуткий мальчик перерос и не подходит под это правило.

Радовались несказанно разрешению М.М. послать тебе две тысячи долларов, о которых ты просишь, тем более что М.М. требует от нас большой экономии, ибо путь наш длинен и труден. Устремись, родной мой, на свое искусство, и все остальное придет, когда ты сам будешь готов. Не забудь свои обязанности в отношении Его дел. Неужели тебе ничем не хочется отблагодарить Того, Кому мы обязаны самим существованием нашим, не говоря уже о том великом знании, которое дается и будет даваться, пока мы сами не закроем источник этот. И разве

* Франчиа Ла Дью (1849-1922) основала «Храм человечества» в 1898 году. С 1903 г. он находится в Алсионе, Калифорния.

не величайшее счастье быть призванным к сотрудничеству в Великом плане эволюции человечества? Ты, при твоём нежном, ласковом сердце, при всех способностях твоих, должен остро чувствовать высокую радость возможности принести и возлить свою чашу на утоление жажды красоты и боли человечества. Светуся, радость моя, мальчик мой, дай возможность мне гордиться тобою во всех отношениях! Помнишь мальчика, который возмущался всякой неправдой, — где он?

Роднуша мой, бесчисленно целую тебя, и помни, что все думы мои около тебя, зови меня в трудную минуту, упрошу Учителя помочь тебе — Рука Его всегда над тобою, но не отталкивай Ее.

Прислушивайся ко всему сказанному у Лихтманов, истинные друзья тебе, никогда не отвернутся от тебя, но не оскорби и не пренебреги тем, что они чтут. Осторожнее будь с Хоршами, им труднее понять и извинить многие твои действия, не надо колебать их уважение к нам, помни ответственность свою. Стойкость Логвана и Порумы нужна для проведения Плана во всем объеме и для твоего же благополучия. Осознай это, любимый!

Пасик будет тебе писать, он так ласково вспоминает тебя. Охрани его имя.

Юсик очень возмужал, думаю, что наш путь придает ему еще смелости и находчивости. Деятельно собирает караван, и можно сказать, что все необходимые сведения и заказы собраны и даны им. Я, занятая писанием и спешным переводом, а Пасик — картинами, мало принимали участия в этих сборах и также слабо представляли себе трудности этого перехода. Только теперь начинаю понимать, куда мы идем, и радуюсь трудностям, ибо нужно все испытать.

Предстоят три перехода через ледники выше Монблана, двадцать дней пойдем по голой пустыне, приходится брать всю еду на 4 месяца для нас и лошадей. Запаслись мехами для воды, ибо кроме соленой местами можно лишь надеяться на лед, если таковой будет. Готовимся к песочным ураганам, захватили изрядное количество вазелина, подумываем о китайских масках, надеваемых ими при переходе через пустыню, ибо говорят, что кожа на лице, нос, губы приходят в ужасное состояние. Запаслись шубами, меховыми сапогами с железными гвоздями. Палатки все подбиты теплым войлоком. Предстоят переходы через стремнины. Юрик думал для этого запастись железными веревками, но тяжесть эту невозможно везти с собою.

Принесли укладывать теплые набрюшники, наколенники и замечательное английское изобретение «Eksel Hot» — резиновая бутылка, вернее мешок, в которую вкладывается мешок, набитый неизвестным веществом; перед употреблением вливаешь туда три капли воды и трясешь его в продолжении минуты, он начинает постепенно нагреваться до значительного жара и держит, не прекращаясь, 24 часа. Но стоит вынуть его из резинового мешка и выставить наружу, как начинает остывать. При вторичном употреблении повторяется вышеописанная процедура. Подобные мешки будем вкладывать в наши меховые Sleeping bag'и (спальные мешки) или держать под шубами во время переходов через ледники. Нет ли таких мешков в Америке?

Пасик сидит рядом, тоже пишет тебе. Все наши думы сейчас около тебя. Юсик обнимает тебя, весело идет своим трудным ответственным путем, всего себя вкладывая в распоряжение Б[елого] Бр[атства].

Родной мой птенчик, обнимаю тебя, да хранит тебя Его Рука.

Будем думать о твоей выставке, духом посылая тебе всю любовь и поддержку нашу.

Радость моя, прислушайся к словам нашим.

18 сентября [1925]

Любимый, родной, ненаглядный мой птенчик,

Завтра уходим, пойми это, мой родной! Когда теперь услышу что о тебе? Скоро ли найдете способ сноситься с нами? Сердце мое полно любви и ласки, которую так хотелось бы излить на твою милую головку. Радость моя, мысли наши будут около тебя, но чутко прислушивайся ко всем Указаниям, идущим через близких нам, — лишь им доверяй. Знаю, голос мудрости живет в тебе, но не давай заглушать его поклонникам и искателям. Удача в твоих руках, возможности твои огромны, и все будет дано окрепнувшему духу, осознавшему смысл своего бытия, просто, здраво и ясно смотрящему на толпящихся кругом него людей и события. Помни, как дорог нам твой талант, и не урони его легкомыслием и торгашеством. Много лучше начать с достойных цен, без запросов. Уступки, а они неизбежны при чрезмерных ценах, всегда некрасивы. Около тебя же все должно быть достойно и красиво. Есть красота в новом пути *доступности*. Я мечтаю, чтобы ты стал воплощением истинной красоты — красоты суровой, мужественной, лишенной пошлой роскоши, в которой не чувствовалась бы тяжесть доллара. Храм нужно построить из простых материалов. Красота в сочетании тонов и форм.

Друзья наши с таким восторгом пишут о твоём искусстве и о тебе, оцени это, дорожи этим отношением. Сердце мое будет спокойно, зная, что ты с ними. Мальчик мой любимый, птенчик нежный, мысленно прижимаю к сердцу головку твою, все милое тельце твое и изливаю всю накопившуюся нежность и ласку мою. Не забывай в минуты трудности призывать Благое Имя, развязывающее все узлы. Остерегайся Бринтона, умеет лишь сдирать деньги. Советов его не принимай, устарели они, а с рухлядью нет хода — на каждом шагу мы убеждаемся в этом, даже здесь, в глуши, все молодое, все неожиданное оказывается гораздо полезнее. Прочти мое письмо к кругу, из него почерпнешь сведения — о многом писать нельзя. Радость моя, думаем, думаем, думаем о тебе и делах твоих.

Да хранят Владыки тебя!

Архив Музея Николая Рериха. Нью-Йорк.
Автографы